

СЕМАНТИКА ОНОМАЛЕКСЕМЫ С ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВОЙ* (НА МАТЕРИАЛЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Материалы диалектной лексики показывают, что не человек живет в языке, а язык живет в человеке. Значение диалектного слова отражает не столько семантические правила, сколько концептуализацию мира человеком, что обусловлено его опытом взаимодействия с окружающей средой. Для анализа привлекается региональный ономастический материал.

В последнее десятилетие в различных лингвистических школах наблюдается рост количества работ, связанных с изучением семантики диалектного слова, соотносительности лингвистической характеристики ономалексем с денотатом, разрабатываются ориентиры не только интерпретирующего, но и констатирующего подхода.

Ключевые понятия когнитивной науки стали все активнее проникать в описание диалектного материала. На примере кубанских говоров И.Н. Пономаренко рассматривает концепт «женщина» [7, с. 143-146], концепты «роща», «береза», «пруд» в говорах Костромской области описываются Е.В. Цветковой [8, с. 121-124]. Наиболее интересны в этом направлении работы Т.И. Вендиной, посвященные описанию языковой картины мира русского народа сквозь призму словообразования [3], К.И. Демидовой, рассматривающей возможность изучения в когнитивном аспекте языковой картины мира на материале русских говоров Среднего Урала [8, с. 45-51; 9, с. 9-18]. Работа над Лексическим атласом русских народных говоров при АН РАН (г. Санкт-Петербург) дает богатейшие перспективы в описании и моделировании на лексическом материале языковой картины мира русского человека.

Внимание к значению слова является одной из основных категорий лингвистической семантики, однако до сих пор не получившей общепринятого определения, видимо, по той причине, что оно играет заметную роль в самых различных сферах языкового использования, чем и вызвана трудность его определения.

О.В. Загоровская, Т.С. Коготкова обращают особое внимание на диффузность значения, расплывчатость границ семантики диалектной лексемы. Диффузность семантической структуры диалектного слова рассматривается как результат взаимного наложения отдельных значений смысловой единицы [5,

с. 188-190]. Устная форма бытования диалектного слова, превалирование эмоционально-экспрессивной лексики над предметной в диалектной речи и есть причины появления диффузности семантической структуры диалектного слова (см.: работы Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой, О.И. Блиновой, К.И. Демидовой и др.).

Так, в названии разлива РогачИ, которое находится в Тамбовском районе Тамбовской области, лежит диалектное слово «рогачи» – «ухват»; название получило по форме берегов «как рогач». Фразеологическое сочетание (тмб.) «быть в рогачах» означает «быть при черной работе, на подхвате». В основе фамилии Рогачев, зафиксированной на данной территории, лежит характеристика человека по признаку «рогачий» (от глагола «рогачить» – «браниться, ругаться, ссориться» (по В.И. Далю)). В современных тамбовских говорах глагол «рогачить» имеет два значения:

- 1) браниться, ссориться, ругаться;
- 2) много усердно работать по хозяйству, устать.

В некоторых контекстах данные значения как бы совмещаются, налагаются друг на друга. Например: «С огорода пришла, там рогачилась, да еще и с самим (т. е. мужем) в доме тоже».

Слово способно передавать не одно, а целое множество значений, что особенно характерно для семантики диалектного слова. Отсюда и множество определений: значение «ближайшее» и «дальнейшее» (А.А. Потемня), значение лексическое (В.В. Виноградов), значение конкретное, значение сигнификативное, значение денотативное, значение эмотивное, значение структурное и т. д.

Осмысление многих лексических единиц становится более осознанным в результате привлечения когнитивных контекстов, на фоне которых и определяется языковое значение. Под

* Работа выполнена в рамках проекта «Университеты России» (УР 10.01.466 на 2005 г.)

когнитивным контекстом понимается устоявшаяся модель культурно обусловленного канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества. Только в конкретной ситуации общения можно установить то или иное значение лексемы. Смысл слова зависит от когнитивного контекста и неизбежно меняется от употребления к употреблению. Диалектная лексическая единица, несущая информацию о концепте, сама активизирует и соответствующий когнитивный контекст. Необходимо установить область знания, которая лежит в основе значения той или иной лексической единицы. Диалектная лексема существует до сих пор лишь потому, что некогда были созданы когнитивные контексты, хранившие и отразившие ее содержание, потому, что она манифестирует некий национально-культурный концепт, содержащий сумму определенной культурной и языковой информации.

Эта лексическая единица приобретает свое значение, активизируя соответствующий когнитивный контекст. Понимание тех или иных диалектных слов становится понятным в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов, поскольку выделяется только та часть концепта, которая коррелирует с определенной областью знания, лежащего в основе значения данного слова. Так, например, в названии современных сел Тамбовской области Троицкая Дубрава и Троицкая Вихляйка первая часть названия восходит к названию монастыря, а вторая связана либо с особенностями растительности (здесь были густые леса), либо с названием реки Вихляйки (река с извилистыми берегами). В тамбовских говорах «дубрава» употребляется в значении «лиственный лес», в слове «вихляйка» лежит семантика глагола «вихлять», т. е. «кривить». Словами «вихляй», «вихлюй» и сегодня называют человека, если хотят сказать, что он ротозей, разиня, олух.

Формирование значения диалектного слова является сложным процессом взаимодействия результатов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний. Этот процесс – не простое суммирование знаний, он предполагает их интеграцию в единое сложное целое. В основе этой интеграции лежат определенные принципы, закономерности и способы восприятия и осмысления окружающего мира.

Главный вывод, к которому приводят нас когнитологи в теории «доступа к слову», заключается в том, что значение слова может вести нас не только к лингвистическим знаниям (о его фонологических, морфологических или синтаксических особенностях), но и служить доступом к информации в долговременной памяти человека, к разнообразным структурам вербальных знаний. Это могут быть сведения о постижении человеком окружающей действительности как определенной системе знаний.

Внешняя действительность по-разному преломляется в диалектной речи и языке городского жителя. Языковая картина мира, объективируемая говором, в большей степени проявляет русскую ментальность как самобытный синтез многовекового опыта народа. Это материальная форма всего существующего как целостного и многочастного мира традиционной культуры, запечатленная средствами языковых номинаций как результат классифицирующей деятельности сознания носителя говора.

Реальная культурная среда проецируется в ментальном мире человека, и эта проекция является своеобразной моделью культурной среды диалектоносителя, следовательно, и региона в целом. Таким образом, языковая региональная специфика мышления производна от реальной действительности и характеризуется ярко выраженной прагматической направленностью в актах номинативной деривации, поскольку наиболее ярко традиционная русская картина мира сохраняется и отражается в деревенском быту, в говорах.

Наши наблюдения над диалектным словом показывают: чем чаще употребляется слово, тем больше значений оно имеет, тем больше значений оно приобретает, больше репрезентирует те или иные сущности. Во-первых, при интерпретации значения учитываются как языковые, так и неязыковые факты, а во-вторых, языковое значение включает в себя те или иные элементы различных концептуальных областей.

При интерпретации значения диалектного слова, лежащего в основе ономаlexемы, следует говорить о соотносительных со значением слова понятиях, закрепленных через текст. Значением слова становится концепт, «схваченный знаком», – отмечает Е.С. Кубрякова [6, с. 94-95]. Таким образом, при изучении значения

слова необходимо подвергать анализу не семантическую, а его концептуальную структуру.

Обращение к ономастическому пространству региона как к источнику сведений об отражении одной из областей народных знаний стало традиционным и обычным. Апеллятивы и ономастические системы тесно связаны. Именно ономалексема отражает многие реалии конкретного мира в силу своей устойчивости и мотивированности, поскольку они надолго сохраняют те звенья лексической системы, которые со временем были утрачены или остаются актуальными и на данный момент.

На сегодняшний день работы по ономастике ведутся в двух направлениях – ономасиологическом и семасиологическом. Однако можно констатировать, что, несмотря на существующий прогресс как в конкретных ономастических исследованиях относительно различных регионов, так и в лингвистической ономастической теории, не существует общепризнанной модели, позволяющей объяснить законы восприятия и сохранения той или иной ономалексемы в ментальном пространстве современного жителя того или иного региона. Методика исследования ономастикона в ее когнитивном преломлении остается недостаточно разработанной и не вполне осмысленной.

В результате акта номинации в языке может появляться новый знак или какая-либо языковая единица получает новое значение. Оба эти процесса дают новую совокупность представлений о называемом объекте, которую неизбежно фиксирует индивидуальное сознание и которая станет достоянием коллективного сознания говорящих на данном языке. Иными словами, каждое имя собственное при его появлении образует новый языковой концепт.

Сама система онимов, будучи языковой универсалией, также относится к концептам, а применительно к такой области ономастики, как топонимика, исследователи вправе говорить о концепте локации.

Структурированность концепта, о которой говорят в последние годы многие лингвисты (Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, Ли Инъин и др.), позволяет авторам выделить четыре элемента структуры концепта имени собственного – уникальный, национальный, групповой и личностный.

Если последние три элемента структуры имени собственного как концепта определены с позиции языковой и культурной компетенции

его носителя, то статус «уникального» в вышеприведенном ряду нам кажется не вполне ясным. Вместе с этим мы полагаем, что в структуре концепта есть еще один важный элемент, значимый как некое общее свойство имени собственного, – это потенциальный элемент, представляющий собой как бы открытую культурную валентность в семантике онима или незаполненный фрейм для «новой» информации, которая может быть заложена в семантику данного онима в любой момент. Например, деревня Клушино в Гжатском районе Смоленской области была неизвестна подавляющему большинству жителей СССР до 12 апреля 1961 года, дня полета в космос Юрия Гагарина, уроженца этой деревни, а название северно-осетинского городка Беслан не привлекало к себе особого внимания до драматических событий начала сентября 2004 года, связанных с захватом террористами школы в этом городе.

Под ономастическим пространством региона нами понимается совокупность ономастических единиц (антрополоксем, топонимы и гидронимы), зафиксированных в лингвистической литературе, исторических источниках и документах, а также существующих в субъективном лексиконе жителя данной местности (легенды, поверья, сказки и т. д.). Данный комплекс имен собственных являет собой так называемые отдельные концептуальные области в ментальной организации всех концептов.

При изучении ономастического пространства выявляется информационная база человека как носителя языкового сознания, как носителя регионального лексикона. Данное пространство отражает вторичный мир, как бы моделируя и подтверждая многие актуальные явления речевого узуса, прежде всего лексические. Выделяя значимые признаки реалий мира, человек дает им оценку, которая свидетельствует о тех ценностях, которые небезразличны ему как в прагматическом, так и духовном плане. Нахождение этой шкалы ценностей позволяет определить и языковую картину мира, которая отражена в ономастиконе Тамбовской области, в основе которой лежит диалектная лексика.

Ономастическая система любого региона не может быть определена как изначально заданная, неизменная, замкнутая сущность. Под влиянием различного рода исторических событий, так называемых экстралингвистических факторов, ономастическое пространство претерпева-

ет множество изменений, приводящих зачастую к значительной или даже полной замене ономастических единиц, формирующих данную систему в некий период. И тем не менее региональные ономастические единицы несут в себе особые, специфические стереотипные идеи, смыслы и представления, которые традиционно принято считать особым «русским» взглядом на мир» [11, с. 13].

Формирование ономастического пространства данного региона – это сложный и смешанный историко-этнический процесс. Лексический фонд тамбовских говоров сложился как тип переселенческого говора и возник главным образом в результате позднего смешанного этногенеза. Причем под этническим смешением понимается не расовое, а культурное смешение, когда на одной территории сталкиваются люди, являющиеся носителями родственных говоров, но уже сложившихся и отличающихся друг от друга, например, лексическими особенностями. Однако это процесс осмысленной созидательной деятельности в условиях этнокультурных контактов. На формирование тамбовских говоров повлияла миграция населения из различных регионов России, включая западные и северные. По данным Тамбовского областного краеведческого музея, заселение Тамбовского края шло с запада, с северо-запада и севера. В этом случае образовывалась пестрая языковая картина, когда жители, например, одной и той же деревни отличали себя по употреблению лексики.

Безусловно, данные об истории заселения Тамбовского края помогают проникнуть в суть семантических изменений слов и хотя бы частично понять законы, движущие этими изменениями.

При изучении языковой семантики обращают на себя внимание отношения между отдельными значениями, которые основываются на ассоциативном принципе, суть которого заключается в том, что одни представления, появившись в сознании, вызывают другие по каким-либо признакам: сходству или контрасту, смежности или подобию, производности и т. д., что лишнее раз приводит нас к мысли о когнитивной семантике. Так, контрастность (антонимия) проявляется во всех концептуальных областях. Для данного региона характерна частотность слова «малый» при гидронимах, а слова «большой» – при топонимах, что объясняется природными особенностями данной местности.

Ср.:

Гидронимы	Топонимы	Прозвища
Малая Ящерка	село Большая Верда	Шарок, Колобок
Малая Бурначка	(Староюрьевский р-н),	(маленький,
Малая Ламка	деревня Большая	толстый);
Малый Ломовис	Лазовка, село	Сало, Пузо
Малый Эртель	Большой Избердей	(большой, толстый);
	(Петровский р-н),	Чилик (в тмб.
	село Большая	говорах «чилики» –
	Лазовка	воробей, т. е.
	(Токаревский р-н),	маленький)
	села Большая	
	Липовица, Большая	
	Матыра, Большая	
	Талинка	
	(Тамбовский р-н),	
	село Большая	
	Ржакса	
	(Ржаксинский р-н),	
	село Большие	
	Кулики	
	(Моршанский р-н),	
	село Большое	
	Лаврово	
	(Мичуринский р-н),	
	села Большое	
	Шереметьево,	
	Большой Ломовис	
	(Пичаевский р-н)	

Со словом «малый» на карте Тамбовской области отмечаются:

село Малая Даниловка (Токаревский р-н),
село Малая Лозовка, деревня Малая Семеновка (Токаревский р-н),
село Малый Избердей, село Малый Самовец (Петровский р-н),
село Малый Ломовис (Пичаевский р-н).

При назывании новых сел жители Тамбовской области, во-первых, пытались сохранять названия населенных пунктов, из которых они уехали; во-вторых, давали новые названия.

Обе эти тенденции легко объяснимы с точки зрения психологии человеческого отношения к объекту, в данном случае к новому месту жительства. Выводы напрашиваются сами собой:

1. Старое название, привезенное с покинутой малой родины, могло сохраниться в том случае, если переселенцев, приехавших из одного и того же места, было большинство. Название – это как память о покинутом селе.

2. Название старого поселка перешло на новое потому, что переселенцев, приехавших на новое место, было не так уж много, но они могли быть теми, кто приехал на новые земли первым.

Как бы то ни было, но на карте, например, Токаревского района есть дублирующие назва-

ния сел и деревень, тех, которые расположены в других частях Тамбовщины.

Выходцы из села Кочетовки (Козловский, ныне Мичуринский, уезд) основали село Большая Кочетовка. Дифференциал «большая» имеет то же значение, что и в случае с топонимом Большая Талинка. Причем вторая часть топонима – Кочетовка, восходящая к фамилии переселенца Кочетова, – теряет всякую связь с мотивацией прежнего названия для других жителей этого нового села, кроме тех, которые когда-то жили в той Кочетовке. Это как бы историческая память языка, доступная говорящим, след вчерашнего видения предмета, которое оттеняет его сегодняшнее понимание (в современных говорах слово «кочет» означает «петух»).

Таким образом, историческая память переселенцев из прежней Кочетовки передается вместе с названием новым односельчанам, обогащая их опыт, поскольку «соотносясь с лексическим значением, внутренняя форма создает особую стереоскопичность словесного представления мира» [5, с. 46].

Перенос названия старого поселения на новое может осуществляться полностью, без всяких дифференциалов, имеющих определенный оценочный аспект. Выходцы из села Громуши (Козловский уезд, ныне Мичуринский р-н), восходящего к названию реки Громуши (по диалектному глаголу «громыхать»), на берегу которой оно стояло, основали в Токаревском р-не село с тем же названием. Н.Д. Арутюнова пишет, что «во всех случаях «новое» связано с будущим, близким (вот-вот наступающим) <...> и несет в себе положительные коннотации» [1, с. 25]. И именно поэтому в понятие «новое» в топонимике следует внести не только чисто прагматическое понимание того, что место, выбранное для поселения, действительно новое, необжитое. Здесь имеется и оценочный момент, связанный с надеждой, верой в то, что жизнь здесь будет новая. Однако следует помнить и о том, что покинутое село было первым, а «первое» всегда ценится выше нового, ибо оно есть абсолютное начало, т. е. не имеет прецедента» [1, с. 26].

В сохранении старого названия с добавлением к нему дифференциала «новый», «большой» сталкиваются два мировосприятия человека: обыденное и духовное. Если топоним переносится со старого на новое место без изменений, следует говорить о превалировании духовного над обыденным. Есть основания счи-

тать, что столкновение или скорее связь разных культурных моделей указывает на причину переноса названий старых населенных пунктов на вновь основанные. А.Д. Шмелев подчеркивает, что один и тот же субъект может быть манифестантом разных культурных моделей – обыденной и научной, обыденной и религиозной; обыденной, мифологической и религиозной и т. п.

Материалы живой диалектной речи показывают, что не человек живет в языке, а язык живет в человеке. Значение слова отражает не столько семантические правила, сколько концептуализацию мира человеком, что обусловлено его опытом взаимодействия с окружающей средой, его индивидуальным сознанием с помощью понятийных категорий (бытийности, пространства, количества, оценки и т. д.).

Так, в современных говорах отмечается слово «кут» в значении «угол, тупик; вершина или конец глухого залива, заводи, мыса», бытует однокоренное слово «закут» – «отгороженное в избе место для содержания домашних птиц». В Пичаевском районе области название населенного пункта КуТЛИ восходит к слову кутля (кутли) от кут. Для жителя сельской местности языковая картина мира отражает прагматические знания, связанные с пространством, что и модифицируется в результате концептуального расширения понятия «угол». Ср.:

Выбор такого ономастического материала, как нам представляется, не случаен, ибо он дает возможность проследить, как связан человек с окружающим миром, какова его психология восприятия той среды, в которой он существует. При этом сознание не просто отражает с помощью языковых единиц реальную действительность, но и выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности.

Конкретный фактический материал регионального характера позволяет проиллюстрировать, как на базе отдельных фрагментов дей-

ствительности создаются локальные номинативные единицы, индивидуально-авторские образования (что и отражает народное мировидение, познавательные и творческие способности сельского жителя), рассмотреть соотношение значения диалектной лексемы и внеязыковой понятийной системы.

Анализ региональной ономастической лексики способен не только выявить мотивирующие диалектные основы наименований, но и описать механизм номинации при создании ономастического знака. Механизм создания ономастических единиц последовательно актуализируется в плане содержания и в плане выражения ономастических знаков.

В сознании диалектоносителей последовательно актуализируются те явления природы и

реалии, которые представляют для него исключительную ценность, ибо представление человека об окружающем его мире... формирует глубинную основу его системы ценностей, и прежде всего – ценностей биологического выживания», подчеркивает Т.И. Вендина. Это предполагает особую концентрацию внимания на выявлении наличия соответствующих знаний, на определенных моментах, в чем проявляется специфика концептуализации и категоризации мира.

Ономастическое пространство – это не автономный модуль человеческого знания, а неотъемлемая его часть. Языковое значение, участвуя в формировании той или иной концептуальной области, является частью общей понятийной (концептуальной) системы человека.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. События. Факт. – М., 1988.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – №1. – С. 18-36.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
4. Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Словарь гидронимов Тамбовской области. – Тамбов, 2000; Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. В 8 вып. – Тамбов, 1998-2003; Ономастика Тамбовской области. В 2 вып. – Тамбов, 2001, 2002; Топонимы Тамбовской области: культурно-социальный аспект. – Тамбов, 2002.
5. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. – М., 1990.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997.
7. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. – СПб.: Наука, 2003.
8. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. – СПб, 2000.
9. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004. – СПб.: Наука, 2004.
10. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988.
11. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М., 2002.
12. Щербак А.С. Диалектная лексика в ономастиконе Тамбовской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001-2004. – СПб.: Наука, 2004. – С. 206-212.